

И. П. КОХНО

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА

Александр Трифонович Твардовский, сын сельского кузнеца со Смоленщины, пришел в большую русскую поэзию в трудные и романтические 30-е годы, когда дали страны преобразжали новостройки первых пятилеток, а межи перепахивала коллективизация. Умению постигать дух советской эпохи, сердца читателей тревожить молодой поэт учился у таких разных мастеров слова, как Э. Багрицкий и М. Исаковский. Модные поэтические поветрия не коснулись творчества выпускника Смоленского пединститута, а затем студента МИФЛИ. Его творческие устремления определили демократические традиции русской поэзии.

Общественную направленность творчества Твардовского определила советская действительность, наше «крутое время»: сначала период коллективизации, затем Великая Отечественная война и, наконец, четверть века послевоенной жизни. Характерно, что Твардовский писал только о лично виденном, пережитом и перечувствованном. Он до конца жизни сохранил преданность родной Смоленщине. Герои почти всех его произведений (Никита Моргунок, дед Данила, печник Ивушка, Василий Теркин, Андрей и Анна Сивцовы) — земляки-смоляне.

Воспринятая некоторыми недалекими критиками как деревенская ограниченность эта привязанность к родному крову, земле, ее обитателям и обычаям выражает существенную сторону глубоко реалистического дарования Твардовского, которого никогда не могли вдохновить отвлеченные умо-зрительные понятия. Способность с редкостной силой и убедительностью передать бытовую сторону жизни, окружить своих героев множеством характерных деталей, подробностей эпохи является отличительной особенностью и достоинством поэзии Твардовского.

В историю советской литературы Александр Твардовский вошел как поэт-реалист, в котором гармонично и естественно сочетаются художник, мыслитель и гражданин.

Творческий путь Твардовского отмечен прежде всего поэмами, они зачастую заслоняют его лирику, в которой тоже немало значительных произведений. Нередко бывало, что жизненные впечатления первоначально воплощались у него в очерки и корреспонденции, в дневниковые записи (дневники Твардовского опубликованы лишь частично), затем в стихи, а они, в свою очередь, после значительной переработки становились фрагментами его поэм. Показательно для творческого облика поэта и то, что его стихи нередко печатались циклами, объединенными общей проблематикой, тональностью, иногда героями. Так было, например, с дедом Данилой — героем многих стихов 30 — 40-х годов, с циклом стихов, посвященных памяти матери (опубликованы в 60-е годы). И хотя это объединение не было твердым, и поэт потом мог отказаться от него и печатать стихи самостоятельно, как законченное целое, все же стремление к цикличности показательно для поэтического мышления Твардовского, который воспринимал действительность в крупных масштабах и структурах, в связях и взаимодействиях частей. Перед нами поэтическое здание, которое десятилетиями строилось на прочном жизненном основании. Это не величественный храм, не роскошный дворец, не музей и не лаборатория — с этими строениями можно сравнивать творчество других поэтов мира, но не Твардовского. Это — «дом у дороги», житель которого очень близок к рабочим и крестьянам — непосредственным производителям материальных благ, к солдатам-пехотинцам.

Действительно, кто из поэтов 30-х годов с такой достоверностью передал раздумья трудового крестьянина в период больших социальных изменений, когда отчаяние сменялось надеждами, когда правда социалистического строя завоевывала победу в упорной борьбе? Благодаря Твардовскому и другим поэтам, прозаикам, драматургам была подтверждена и закреплена для современников и потомков действительность Великой Отечественной войны. Своеобразие Твардовского в ряду поэтов-фронтовиков — в широте его диапазона. На военную страду он взглянул глазами рядового солдата

(«Василий Теркин»), русской женщины-крестьянки («Дом у дороги»). Многие существенные стороны жизни народа 50—60-х годов предстали в послевоенных стихах Твардовского и, прежде всего, в поэме «За далью — даль».

Твардовский — злейший враг риторики, всякого рода декларативных односторонних в литературе. Зная цену и силу поэтического слова, он никогда не употребляет его всуе. С другой стороны, внешняя занимательность и формальная новизна всегда отталкивали Твардовского. В чем же тогда секрет оригинальности поэта, неповторимости его творческого облика?

Твардовский в каждом конкретном случае по-новому решает задачи художественного изображения, не эксплуатирует ранее открытые идеи, образы, средства. Достаточно обратить внимание на жанровое своеобразие его поэм. Так, «Страна Муравия» — это эпическое повествование с реалистически выписанными героями и отчасти условным сюжетом, с привлечением обильного материала народного творчества и крестьянской мифологии.

По-разному изображается война в «Василии Теркине» и «Доме у дороги». В первом случае, перед нами — не имеющая аналогий в литературе прошлого самобытная «энциклопедия» солдатской жизни, «книга про бойца», собрание различных по содержанию и отчасти самостоятельных глав. Во втором — трагическая поэма, «плач о родине», «песнь ее судьбы суровой». «За далью — даль» Твардовский определял как путевой дневник. Поясняя в дальнейшем свою мысль, он указывал два плана поэмы: первый — путешествие по стране, и второй — лирический рассказ о пережитом.

Твардовский исходит из самой жизни, он одушевлен процессами, в ней происходящими, поднимает жгучие вопросы современности и мужественно утверждает правду народа и его партии. А художественная оригинальность Твардовского — в его простоте, естественности, непринужденности. Ведь говорил же Гегель: «Не иметь никакой манеры — вот в чем состояла во все времена единственная великая манера...»

А. Твардовский не мог пожаловаться на невнимание критики. Уже с начала 30-х годов его имя занимает одно из первых мест во всех обзорах советской литературы, его произведения нередко находились в центре критических дискуссий. Если отбросить некоторые предвзятые и необъективные выступления (А. Селивановский, В. Ермилов, И. Сельвинский и др.), то можно увидеть, что советская критика и литературоведение еще при жизни поэта в основном верно оценили его отдельные произведения и все творчество. Это относится к писателям А. Фадееву, С. Маршаку, М. Исаковскому, О. Берггольц, а из литературоведов — к В. Александрову, П. Выходцеву, М. Рошину, Ю. Буртину, которые неоднократно уважительно и глубоко оценивали все выходящее из-под пера Твардовского. И все же только в последние годы, после смерти поэта, нам становится все более ясным значение всего им сделанного как писателем, редактором и общественным деятелем. В значительной мере это объясняется публикацией некоторых ранее неизвестных материалов из архива Твардовского. На первое место здесь следует поставить даже не неизвестные ранее немногие стихи, а переписку Твардовского с М. Исаковским, И. Соколовым-Микитовым, В. Овечьиным и другими писателями — замечательные образцы эпистолярного искусства. Целая эпоха (и какая!) предстает в этих письмах, то деловых и кратких, то пространных и доверительных, всегда содержательных и искренних. А его письма к начинающим литераторам — целая школа мастерства. Суровый и требовательный к самому себе, он и от молодых писателей требовал предельной самоотдачи, не прощал легкомыслия, конъюнктуры, фальши. Много нового для понимания Твардовского дают шеститомное собрание сочинений писателя — первое комментированное издание и воспоминания о нем, подготовленные к печати М. И. Твардовской.

Поэзия советской России — интернациональна в высшем смысле этого слова. Однако внимание русских поэтов к литературам национальных республик избирательно: одни (Н. Тихонов, Н. Заболоцкий, В. Луговской и др.) отдали свои симпатии литературам Закавказья, другие — литературам Украины, Прибалтики, Средней Азии. Для Твардовского — писателя, переводчика, критика и редактора «Нового мира» — особый интерес всегда представляла литература советской Белоруссии. Тесные связи с ее творцами он пронес через всю жизнь и они, в свою очередь, отвечали ему глубокими симпатиями и признательностью. Тема «Твардовский и белорусская литература» — многоаспектна и требует специального рассмотрения. Скажем только, что один из лучших представителей белорусской культуры

А. А. Кулешов воздал должное своему великому русскому собрату в поэме «Варшавский шлях». Поэма А. Кулешова — волнующий реквием по Твардовскому, она является замечательным примером глубокого постижения творчества и личности русского поэта.

В статье «О Бунине» Твардовский высказался по поводу одного существенного мотива своего творчества. Это «вечная» тема искусства: краткость человеческой жизни, неизбежность смерти и отношение к ней. По-разному разрешали ее философы и поэты различных времен. «Никогда смерть не будет безразличной для человеческого сознания, ни при каком идеальном общественном устройстве и самой счастливой личной судьбе», — пишет поэт. Человек — часть человечества, часть общества, и потому он не остается один на один со смертью. «Какую-то долю — большую или меньшую — этого неизбежного бремени отдельного человека берут на себя его близкие и те «далекие», для которых он честно потрудился на земле и выполнил свой долг перед ними».

С. Р. ТУМАНОВА

ЛИЧНОСТЬ ПОЭТА В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЛИРИКЕ

Послевоенная лирика А. Т. Твардовского, подготовленная всем предшествующим его творчеством, наполнена философскими размышлениями о назначении поэта, о смысле писательского труда. В этой лирике, как и во всем творчестве, наиболее ярко проявляется народность его поэзии. В стихотворении «О прописке» свое заветное желание быть всегда с народом поэт застенчиво прикрывает шутливой формой:

По всему Советскому Союзу,
Только б та задача по плечу,
Я мою уживчивую Музу
Прописать на жительство хочу¹.

Перекикаясь с пушкинским «Нет, весь я не умру», Твардовский утверждает: «Я и сам пропиской постоянной обеспечен буду под луной».

Для писателя творчество — это работа, «упорная, бессрочная». Свою неразрывную связь с читателем, с народом, он выражает во многих стихотворениях. Чувство долга перед народом для Твардовского — неотъемлемая часть творческого счастья:

Ни ночи нету мне, ни дня,
Ни отдыха, ни срока:
Моя задолженность меня
Преследует жестоко (с. 76).

Ответственность поэта за свое дело проявляется и в твердой уверенности в том, что «сказать то слово никому другому я никогда бы ни за что не мог передоверить» («Вся суть в одном единственном завете»). Многие стороны поэтического творчества затрагивает Твардовский в стихотворении «Московское утро». Экспозиция стихотворения — описание того, как Москва по утрам «обновляется чудно». Поэт любит «весь этот мир, этот утренний город». Он ждет выхода газеты, где должны быть опубликованы его новые стихи. В нем еще живет мальчишеская гордость за то, что его «вымысел, скрытно рожденный» будет «распространен» вместе с «уборочной сводкой, Верховным указом, ученой статьей...»

Поэт всегда должен быть на передовых рубежах жизни. В стихах о поэзии возникает образ «бегущего дня», за которым он должен успеть. В стихотворении «Не хожен путь» Твардовский ясно говорит о тех трудностях, которые преодолевает автор на своем пути. Повторы, короткие фразы, переносы, неполные предложения делают ритм стиха энергичным, придают темп:

За ним, за ним, —
Не тебе одному
Бедой грозит передышка. —
За валом огня.
И плотней к нему.
Сробел и отстал —
Крышка! (с. 128)